

Друзья товарищи

Русский язык единственный в мире обозначает приятельные отношения между людьми пятью словами. Английский обходится одним-единственным — „friend“.

И ещё: в русском языке частотность употребления слова „друг“ — 817 на миллион; в английском-американском — только 298, хотя у них и один „friend“ на всё про всё. Много выше у нас и частотность абстрактного существительного „дружба“: 155 против 27 в американском-английском и 8 в английском для слова „friendship“.

Ясно, пишет известная австралийская лингвистка Анна Вежбицка, что это — слова из самых важных в русском лексиконе.

Ну какой же русский не знает, что „друг, подруга, товарищ, приятель, знакомый“ — всё это совершенно разные люди, разные отношения и спутать их никак нельзя! Они сопровождают нас всю нашу жизнь, и вместе со словами мы быстро осваиваем совершенно разные типы общения. Между прочим, полезно иногда посмотреть на свои „коммуникативные практики“ чужими глазами: культурные сценарии, данные нам в языке, мы усваиваем вместе с ним совершенно неосознанно, и они становятся само собой разумеющимися, следовательно, неоспоримыми. А тут вдруг тебе демонстрируют всё это богатство оттенков, которыми ты пользовался, но о которых вроде бы и не подозревал.

Б. М. Кустодиев. Художники общества „Мир искусства“. 1920 г.

Лингвист, для которого русский язык не родной, сразу видит, например, что „подруга“ — это вовсе не друг женского рода, а просто иное понятие. Женщина может быть другом, а может — подругой, то есть давно присутствовать в вашей жизни („школьная подруга“, „подруга детства“), вместе с вами пережить многое из того, что происходило с вами на этом этапе, и потому ставшая для вас близким, ценным человеком, но всё-таки не настолько близким и ценным, как друг.

Друг — человек, с которым мы готовы поделиться самым сокровенным, на которого мы всегда можем рассчитывать в трудную минуту, в верности, преданности и близости которого мы всегда уверены. От подруги не требуется столь многого.

И друзья у нас, отмечает А. Вежбицка, как правило, — не отдельные разрозненные люди, которых объединяют только их особые отношения со мной; это сообщество, всегда готовое объединёнными усилиями оказать необходимую помощь и поддержку любому из „своих“.

„Приятель“, пожалуй, наиболее близок к современному значению слова „друг“ в английском языке: человек, которого вы хорошо знаете, к которому хорошо (но не слишком) относитесь, с которым вам приятно проводить время, общество которого доставляет вам удовольствие.

„Товарищ“ — участник совместной деятельности: ...по работе, ...по университету, ...по камере, но и ...по несчастью. Товарищей чаще всего не выбирают, их навязывает сама жизнь; в каком-то смысле это человек общей с вами судьбы и общих проблем. Связь с ним может оказаться столь тесной, что „товарищ“ приблизится к „другу“ — возникнет „друг-товарищ“; но этого может и не произойти.

Думаю, не стоит уточнять по Вежбицкой, что такое „знакомый“, это и так понятно. Непонятно только, как это английский объединяет в одном слове друга и знакомого, пусть даже „доброго знакомого“.

Что в русской культуре дружба и всё, что с ней связано, занимает особое место, иностранцы заметили давно и без всякой лингвистики. Анна Вежбицка приводит обширную цитату из известной на Западе книги американца Хедрика Смита „Русские“:

„Их круг общения обычно более узок, нежели круг общения западных людей, особенно американцев, которые придают такое большое значение общественной жизни, но отношения между русскими обычно более интенсивны, требуют большего, оказываются более длительными и часто больше дают людям.

Я слышал о супружеской паре, отправленной на два года на Кубу; другая семья взяла их сына-подростка к себе в двухкомнатную квартиру, и без того переполненную. Когда поэтесса Бэлла Ахмадулина вышла замуж в третий раз, они с мужем оказались без гроша, и их друзья купили им целую обставленную квартиру. Стоит диссидентствующему интеллектуалу попасть в трудное положение — и истинные друзья преданно отправятся на выручку, невзирая на ужасающий политический риск.

Они вступают в дружеские отношения с немногими, но этих немногих нежно любят. Западные люди находят насыщенность отношений, практикуемых русскими в своём доверительном кругу, и радующей, и утомительной. Когда русские до конца открывают душу, они ищут себе брата по духу, а не просто собеседника. Им нужен кто-то, кому они могли бы излить душу, с кем можно было бы разделить горе, кому можно было бы поведать о своих семейных трудностях или о неладах с любовником или любовницей, чтобы облегчить жизненное бремя и не отказывать себе в удовольствии вести бесконечную философскую борьбу с ветряными мельницами. Как журналист, я нахожу это несколько щекотливым, поскольку русские требуют от друга полной преданности“.

Кажется, полный портрет — но его всегда можно оспорить: мнение слишком пристрастно, оно слишком восторженное или слишком ироничное, человеку просто повезло, а я никакой такой особой дружбы вокруг себя не вижу — мне вот никто обставленной квартиры не подарил, хотя и у меня денег негусто, впрочем, как и у моих друзей.

Лингвиста Вежбицкую оспорить гораздо труднее: частотность слов сосчитана, оттенки смысла выявлены и предъявлены. Впервые, пожалуй, мы имеем нечто действительно осязаемое для того, чтобы говорить об особости нашей культуры, об одном из её отличий от других культур.

Анна Вежбицка, известная австралийская лингвистка польского происхождения, прославилась своими работами, в которых сравнивала значение так называемых „ключевых“ слов в разных языках и реконструировала разные культурные сценарии, стоящие за этими различиями. По её теории, есть некий базовый набор универсальных понятий и грамматических форм, который дан нам всем от рождения и у всех един, как у всех людей на свете по одной голове, двум ногам и двум рукам. Этот набор весьма ограничен, поддаётся самому прямому переводу с языка на язык и служит точкой отсчёта для оценки культурных различий, которые начинаются сразу за его границами.

„Ловить“ эти различия интереснее всего именно на ключевых словах, обозначающих самое важное, ценное для носителей данной культуры. Одно из таких ключевых слов как раз „друг“. Сравнивая его значение в английском, английском-американском, английском-австралийском, русском и польском, Анна Вежбицка и обнаружила те самые культурные расхождения, о которых мы говорили.

Итак, новое подтверждение нашей высокой духовности, приверженности вечным ценностям — в отличие от корыстного и поверхностного Запада? Подтверждение тем более ценное, что объективно и дано независимым от страстных споров западников со славянофилами экспертом?

Всё немного сложнее. Оказывается, в старых текстах англичан и американцев слово „friend“ имело значение, очень близкое к значению русского слова „друг“, хоть оно и было одно. Но за последние полтора-два столетия это значение принципиально изменилось, что свидетельствует о серьёзном сдвиге в культуре.

„В целом значение слова „friend“ стало более „слабым“, так что для того чтобы ему обрести нечто вроде прежней „силы“, теперь приходится использовать выражение „close friend“ (близкий друг). Кое-что от прежнего значения слова „friend“ сохранилось в производном существительном „friendship“ (дружба): в современном употреблении у человека может быть гораздо больше друзей (friends), нежели дружб (friendships), и только о „близких друзьях“ (close friends) можно теперь сказать, что они связаны отношениями „дружбы“ (friendship)“.

В 1974 году американский учёный Паккард провёл опрос, чтобы выяснить, „сколько по-настоящему близких друзей („really close friends“, в отличие от случайных знакомых или друзей — просто „friend“) живёт не далее пяти миль от вашего дома?“ В тихом местечке Гленн-Фоллс таковых насчитали в среднем по шесть, в более подвижном Азусе — по три. Но тогда сколько у этих людей было друзей? Как выясняется, по меньшей мере пятьдесят! Современный американец, в отличие от своих предков, считает близких друзей дюжинами.

Слова Бенджамина Франклина „Отец — это Сокровище, Брат — Утешение, Друг — это и то, и другое“ — лишь одна цитата из многих, приведённых Вежбицкой в доказательство того, как высоко прежде в англосаксонской культуре ценилась дружба. Вряд ли хоть одно из этих высказываний может относиться к нынешним многочисленным друзьям американца, приобретённым, как рассказала одна из собеседниц Паккарда, за игрой в кегельбане. Обращение „дорогой друг“ сегодня кажется неуместным, а то и двусмысленным.

Как и в русской культуре, прежде от друга ждали помощи в беде, верности, преданности, доверительных отношений. У американцев даже пословицы и поговорки на эту тему были такие же, как у нас. „A friend is never known till a man hath need“ (Друга не узнаешь, пока не попал в беду) — это пословица, предъявленная читателям Джоном Кейвудом в 1541 году, то есть к тому времени ставшая вполне общим местом. „A friend is not known but in need“ (Друга узнаешь только в беде), вторит ему Джордж Меритон в 1683 году. От противного о том же самом — поговорки „fair weather friend“ (друг только на время хорошей погоды), summer friend (летний — ненадёжный — друг) и так далее.

Современное американское представление о друге требует от него гораздо меньшего; это скорее человек, с которым (а не для которого) хочется делать что-нибудь хорошее. Другими словами, это человек не для любви (которая до сих пор предполагает обязательным и верность, и готовность помочь вплоть до самопожертвования), а для удовольствия, для приятного совместного досуга. И вряд ли вы захотите сегодня делиться с каждым из пятидесяти самыми сокровенными и важными мыслями. Поговорить с каждым отдельно? Или устроить что-то вроде партийного собрания?

Особенно смена культурных установок видна в том, как теперь принято приобретать друзей. Их не выбирают долго и тщательно, как то советовали люди старших поколений своим детям и внукам; их заводят как можно быстрее, как можно больше, их „делают“ („to make friends“ — как в любом „процессе производства“, чем больше, тем лучше, иронизирует Вежбицка). А это как раз уже новая культурная ценность: надо быть популярным, нравиться многим.

Предмет нашей гордости, доказательство нашей духовности — может быть, это всего лишь свидетельство нашей отсталости? Примерно так и считает Анна Вежбицка: подобный сдвиг в отношениях между людьми происходит не только в англосаксонских культурах, просто Америка дальше других продвинулась на этом пути.

Это плата за прогресс: развиваясь, мы теряем многое из того, что так дорого нам сегодня. И со временем мы будем так же умиляться, восторгаться открытостью, гостеприимством, глубиной и насыщенностью отношений между людьми в культурах, идущих за нами.

В польском языке сфера приятельных, но не родственных отношений описывается тремя основными словами: не одним, как в английском, но и не пятью, как в русском. Если принять образ однопутной дороги, по которой Америка мчится во всю прыть, а патриархальная Россия плетётся где-то в хвосте, то получается, что Польша на пути к

прогрессу находится где-то примерно между ними.

Впрочем, разве дружба — составная часть патриархальной культуры с её роевым, родовым социальным устройством? Ценность личности в таком социуме не слишком высока, а дружба вся основана на личностном начале. Это отношения людей, осознающих себя, свой внутренний мир как неоспоримую ценность и уважающих это в другом человеке. Это скорее элемент культуры нового времени; но всегда достаточно узкого, со временем расширяющегося круга людей, понимающих и принимающих ценность личности и приватной жизни. Так было у нас, так же было и в Европе.

Так же, но не вполне. Политическая борьба, борьба за собственность и за права личности разворачивалась в Европе; лишённые такой бурной и содержательной политической и общественной жизни граждане Российской империи уходили в приватную жизнь, культивируя дружбу как тесное пространство личной свободы и безопасности. Советский режим, приводит Вежбицка мнение обществоведов, лишь усилил это, в какой-то степени превратив дружеские отношения, отношения единомыслия, поддержки, взаимопомощи, условием выживания не только диссидентов, но и вообще всех, кто сохранил склонность и вкус к самостоятельному мышлению.

Однако Вежбицка приводит и противоположное мнение других обществоведов, считающих, что советский тоталитарный режим мощно и небезуспешно поработал над развалом любых общностей, любых межличностных отношений, от семейных до дружеских, товарищеских, даже просто приятельских. Он насильственно возвращал общество к роевой жизни патриархальности или добивался его полной атомизации.

В любом случае это наша и только наша история, несводимая к точке на одномерной шкале. Как и история Польши — трижды растерзанной, на века лишённой государственности, сохранявшей это время как единое целое только в мечтах, и тем не менее сохранившая себя и вновь ставшая единым целым. Сыграла в этой истории свою роль долго — до сих пор — сохранившаяся способность к глубоким, тесным, ответственным отношениям между людьми? Несомненно: именно в этом приватном пространстве хранилась, оттачивалась и уточнялась, передавалась из поколения в поколение мечта и многое более конкретное: язык, предания, общенациональные ценности.

Сам материал, приводимый Вежбицкой, кажется, сопротивляется простенькой схеме строго стадийного развития и однозначно понимаемого прогресса. Особенно это видно на истории с австралийским „mate“, их, австралийским пониманием коллективизма.

Вроде бы давно всеми проговорено, что коллективизм — вещь, несомненно, хорошая, но почему-то свойственная в основном более или менее отсталым обществам. Собственно, из роевой патриархальной жизни он и был взят, малость подновлён, одухотворён, насыщен новой лексикой и двинут в коммунистическую идеологию, в рабочее движение, в советский быт, правильно организуемый партией и правительством. При этом намеренно были спутаны и связаны в один узел вещи практически противоположные:

дружба, то есть интимные отношения между двумя-тремя личностями, и коллективизм, в котором личность растворялась и за это награждалась безответственностью, а ежели не поддавалась растворению, то изгонялась.

Так вот, Вежицка считает, что в отношениях между людьми для австралийцев ключевое и самое ценное понятие — „mate“, что-то вроде нашего мужского товарищества, но устроенного на иных принципах. Оно стало для них таким важным во времена и в условиях освоения континента, когда взаимная поддержка была необходима для выживания. Это была тяжёлая и опасная, исключительно мужская работа — и „mate“ до сих пор вообще не включает женщин. „My mate“ всегда мужчина. Женщина может быть моей девчонкой, моей птичкой, моей хорошей, моей капелькой, моей возлюбленной или моей женой, но она никогда не бывает „my mate“, — объяснял австралиец одному этнологу в шестидесятые годы прошлого века.

Для русского глаза и уха непривычны основы этого мужского братства: равенство всех его членов (с категорическим неприятием попыток внушить им уважение к иерархии и статусному порядку), безоговорочная и полная поддержка (mate не может быть не прав, даже если он не прав, даже если перед законом), готовность к мгновенному объединению для помощи. Всё это похоже на какой-то религиозный орден с довольно жёстким уставом.

Вот что можно в принципе вырастить на основе того же „коллективизма“. Интересно, что американцы не породили подобной культуры, хотя тоже в своё время осваивали дикие земли, и это тоже было тяжкой и опасной работой — а вот, поди ж ты, мужское братство стало специфической особенностью именно австралийской, но не американской культуры. Может, в американской практике было почему-то больше востребовано индивидуальное мужество, а может, по другим причинам сложилось именно так, а не иначе.

Итак, русский ребёнок приходит в мир, населённый друзьями и подругами, товарищами по работе и по несчастью, добрыми и не очень добрыми знакомыми. У маленького американца кругом одни „friends“, с которыми так хорошо проводить время. Маленького австралийца со временем папа похвалит: ты настоящий „mate“, и тот преисполнится гордости, навсегда усвоив, как это важно и ценно. И каждый из нас будет в своей жизни реализовывать свой культурный сценарий, а потом, вместе с языком, передаст его своим детям.

Может быть, самое обидное тут — отсутствие выбора. Никто нас не спрашивает, насколько тонко и точно хотим мы различать друга, приятеля и знакомого: они нам или даны в языке с самого начала, или нет. И ведь так во всём, кроме небольшого набора универсалий, одинаковых в любом языке.

Правда, как мы видели, сценарии меняются со временем, но эти изменения медлительны, как правило, не укладываются в рамки отдельной человеческой жизни, и потому носитель языка их с трудом различает.

Друзья товарищи

Автор: Alsardred
28.10.2009 07:47 -

Если он не ученый-лингвист и культуролог.